

Глава 4

Альманах и проект экономического равенства в литературе. Дороговизна гения

1

История отношений Белинского и Достоевского в начальный период писательской карьеры последнего не раз описывалась и интерпретировалась¹. Известна роль Некрасова в самом начале этой истории². Однако та роль, которую поэт сыграл в разрыве Достоевского с кругом Белинского, нам кажется недостаточно проясненной. Это связано с тем, что, сосредоточиваясь на идеологических, эстетических или узко личностных причинах конфликта, исследователи (как и мемуаристы) недостаточно внимания уделяли экономической (пусть и в очень широком смысле) подоплеке всей истории. Однако такая сторона ссоры существовала и именно в ней Некрасов сыграл едва ли не решающую роль. Эту роль позволит пояснить размышление над правкой, внесенной Некрасовым в текст статьи Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года» (опубликована в № 1 «Современника» за 1847 год). Это та статья, которая сделала огромный вклад в уничтожение писательской репутации Достоевского вплоть до нового его появления в литературе после каторги. Мы приведем интересующий нас фрагмент по Полному собранию сочинений Некрасова (жирный шрифт в цитатах принадлежит нам):

Вариант Белинского: «Сила, глубина и оригинальность таланта г. Достоевского были признаны тотчас же всеми, и — что еще важнее — публика тотчас же обнаружила ту неумеренную требовательность в отношении к таланту г. Достоевского и ту неумеренную нетерпимость к его недостаткам, которые имеет свойство возбуждать только **необыкновенный** талант».

Вариант Некрасова: «Сила, глубина и оригинальность таланта г. Достоевского были признаны тотчас же всеми, и — что еще важнее — публика тотчас же обнаружила ту неумеренную требовательность в отношении к таланту г. Достоевского и ту неумеренную нетерпимость к его недостаткам, которые имеет свойство возбуждать только **сильный** талант».

---

¹ Например, см.: Гроссман Л. Достоевский. М., 1962. С. 58–100. Или: Frank J. Dostoevsky: The Seeds of Revolt, 1821–1849. Princeton, New Jersey, 1976. P. 159–198.

² См. об этом: Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1961. С. 82–85.

Редакция, напечатанная в «Современнике»: «Оригинальность таланта г. Достоевского была признана тотчас же всеми, и, что еще важнее — публика тотчас же обнаружила ту неумеренную требовательность в отношении к таланту г. Достоевского и ту неумеренную нетерпимость к его недостаткам, которые имеет свойство возбуждать только талант» (13, 2, 121).

Эта правка, которая может показаться мелочно-стилистической (почему так скрупулезно «необыкновенный» талант заменен на «сильный», чем «сильный» отличается от «необыкновенного?»), на наш взгляд, является тщательно продуманной. И именно «экономический» анализ той ситуации, которой она вызвана, позволяет понять эти тонкости, слабо различимые для современного читателя и критика.

2

Для понимания смысла этой правки, очевидно, нам необходимо совершить экскурс в сложную проблему эстетических оценок и иерархий. Оценка степени таланта, сравнительного достоинства произведений современных писателей всегда составляет важную часть работы критиков. Помимо средства манифестации вкусов определенной общественной группы³, такие оценки и выстраиваемые на их основе писательские иерархии играют своего рода организационную, структурирующую литературное поле роль. Способы установления иерархий, принципы, по которым даются оценки писателям и их трудам, отражают характерные для эпохи или литературной группы типы литературных отношений и отношений между литературой и «соседними» областями: идеологией, политикой и экономикой. В этом смысле критическая деятельность Белинского и Некрасова в середине 40-х годов не является исключением. Специфика их оценочной стратегии вызвана спецификой идеологии той литературной группы, которую возглавлял Белинский и к которой принадлежал Некрасов в качестве литератора и издателя.

В идеологическом основании этого литературного направления (получившего название «натуральная школа»), тогда только создававшегося, лежат «реализм» и «прагматизм», интерес к материальным сторонам жиз-

---

³ Теория вкуса как манифестации социальной позиции, как инструмент властных стратегий наиболее подробно разработана Пьером Бурдьё, прежде всего в работе: *Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. London, 1984.*

ни и презрение к оторванному от земли «романтизму», отказ от «идеальничания», по любимому слову Белинского того времени⁴. Принятие такой системы ценностей вело к возникновению проблемы с эстетическими оценками: если признавать преимущественную важность именно материального вознаграждения за любые дела или услуги, то, очевидно, тот же принцип должен быть применим и к литературе. Эстетическая ценность продукта должна, таким образом, совпадать с его стоимостью в экономическом смысле. Такой идеал нарисован в опубликованном в №№ 3 и 4 «Современника» за 1847 год романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история», горячо принятом Белинским⁵:

Уверен ли ты, что у тебя есть талант? без этого ведь ты будешь чернорабочий в искусстве — что ж хорошего? Талант — другое дело: можно работать; много хорошего сделаешь, и притом это капитал — стоит твоих ста душ.

— Вы и это измеряете деньгами?

— А чем же прикажешь? чем больше тебя читают, тем больше платят денег.

— А слава, слава? вот истинная награда певца...

— Она устала нянчиться с певцами: слишком много претендентов. Это прежде, бывало, слава, как женщина, ухаживала за всяким, а теперь, замечаешь ли? ее как будто нет совсем, или она спряталась — да! Есть известность, а славы что-то не слышать, или она придумала другой способ проявляться: кто лучше пишет, тому больше денег, кто хуже — не прогновайся. Зато нынче порядочный писатель и живет порядочно, не мерзнет и не умирает с голода на чердаке, хоть за ним и не бегают по улицам и не указывают на него пальцами, как на шута; поняли, что поэт не небожитель, а человек: так же глядит, ходит, думает и делает глупости, как другие: чего ж тут смотреть?..⁶

---

⁴ Об идеологии «натуральной школы» подробнее см.: Манн Ю. В. *Философия и поэтика «натуральной школы»* // Проблемы типологии русского реализма. М., 1969.

⁵ Отзыв Белинского об «Обыкновенной истории» содержится в том же обзоре, что и интересующие нас характеристики таланта Достоевского. Напомним, что критик в целом солидаризируется с жизненными принципами, которые воплощает старший Адуев.

⁶ *Гончаров И. А. Собр. соч.*: В 8 т. Т. 1. М., 1952. С. 55–56.

Очевидно, однако, что публика (главный субъект, а в это время практически единственный, кто оценивал произведения литературы материально, деньгами⁷) выглядит очень ненадежной, сомнительной⁸ в качестве субъекта эстетических оценок. Пристрастия массового читателя могут быть основаны на невежестве и предрассудках. В лучшем случае, публика доверчива и простодушна, ее легко обмануть. Этим пользуется литература эстетически беспомощная, при этом недобросовестная, беззастенчиво коммерческая, ориентированная на получение прибыли любой ценой. В статье «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году (статья первая)» («Литературная газета», 1 января 1844 года) Некрасов говорит о процветании «грязного» литературного «толкучего рынка»: «Есть у нас литература грязная, *копеечная*, которая скрывается в непроходимых извилинах толкучих рынков, дышит гнилым воздухом сырых и темных подвалов, питается скромной данью с покрытого лохмотьями невежества. <...> Ее представители — люди темные, еле грамотные, но чрезвычайно хорошо знающие свою публику и оттого удивительно смелые» (11, 1, 134). «Есть у нас другая литература, — родная сестрица первой, но более опрятная, сметливая и осторожная. Ей также нет дела до искусства, до науки, она даже не понимает их хорошенько и не поймет, пока ей кто-нибудь порядочно не заплатит. У нее та же цель, что и у первой, — деньги, но в гораздо обширнейшем размере <...> И горе ей, бедной, доверчивой публике! *Промышленная* литература со всех сторон опутывает ее сетями и, должно отдать справедливость, очень часто весьма искусными. <...> Но в особенности неистощима она в угодливости пред публикою, в потворстве ее неразвитому, шаткому от недостатка убеждений вкусу, в готовности тешить ее чем ни попало, лишь бы она тешилась да исправно платила» (11, 1, 135–136).

В результате активности таких литераторов публика платит не за художественное качество произведения, а за занимательность, попадает на грубые приманки, становится жертвой недобросовестной рекламы. Так в статье о книге Ф. Булгарина «Очерки русских нравов, или Лицевая сторо-

---

⁷ Как хорошо известно, в это время остальные институты материальной поддержки литературного труда, такие как меценатство или фонды, либо ушли в прошлое, либо еще не сформировались.

⁸ По иронии судьбы, это касается и самого замечательного романа, содержащего эту сентенцию. Как известно, изданный отдельной книгой, роман расходился чрезвычайно плохо. Об этом Некрасов писал Тургеневу 11 сентября 1848 года: «Обык<но>венная» истор<и>я» имела не менее успеха, но я напечатал ее отдельно, и в 8 месяцев продано только двести экземпляров» (14, 1, 111).

на и изнанка человеческого рода» (1843) Некрасов пишет: «Какие из новых книг стоят того, чтобы заплатить за них деньги?.. Их нет, должны были бы отвечать мы. Униженно сознав свою неспособность, отказавшись от благородных усилий обращать на себя внимание публики посредством самой себя, наша литература превратилась в торговый дом, в рынок, где казовым концом замысловато разложены гнилые товары для привлечения покупателей; она кинулась на мелочи и совершенно погрязла в них; она прибегает к картинкам, к роскоши типографской, к поразительно диким заглавиям, к пышным объявлениям, надевает шутовской колпак на людей некогда почетных, гонит за вдохновением старых, выписавшихся сочинителей в трактиры и харчевни, наконец, забыв и стыд, и сан, пляшет перед публикою вприсядку, — и всё для того, чтобы заставить публику бросить ей несколько грошей, которые сделались ее единственною целью, ее кумиром, ее губителями!.. <...> Все остальное, что мы разумеем под именем отрывочных изданий, состоит из картинок, более или менее удачных, и текста, насильно навязываемого сочинителями публике при картинках, — такого текста, которого без картинок публика не только не купила бы, но даже не взяла бы, если б сочинители сами платили ей за это... В<о> главе заготовителей означенного товара, т. е. текста для картинок, красуется известный и опытный сочинитель г. Булгарин...» (11, 1, 81–82).

Литература, стремящаяся исключительно к коммерческому успеху, порождается и легитимирует ложную экономику, основанную на спекуляции. Такая экономика создает беспорядок в эстетической сфере, формирует ложные ценности и иерархии. Литературное имя на таком рынке часто есть нечто дутое, сфабрикованное, как утверждает Некрасов в одной из своих самых ранних статей (рецензии на сборник “Сто русских литераторов”, изданный в 1841 году А. Смирдиным): «Конечно, между знаменитостью большая разница, но эта разница сглаживается тотчас, как скоро станут рядом в одной и той же книжке. Да, кто имел счастье попасть в «Сто литераторов», тот уже знаменит, хотя бы прежде его поприще нисколько не давало ему права даже на звание плохого писателя» (11, 1, 13).

При засилье в литературе такой ложной экономики и ложной иерархии деньги не достаются хорошим писателям, чья продукция высоко оценивается экспертами. В уже цитированной статье «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году (статья первая)» Некрасов говорит о существовании благородной литературы, движимой не корыстью, а высокими гуманистическими и эстетическими идеалами: «С великодушным самоотвержением, ради благой и далекой корыстных расчетов цели, одушев-

ленная высокими началами великого преобразователя России, избрала она путь тернистый и трудный, ведущий к достижению вечной и святой истины, к осуществлению на земле идеала, — и медленно, но твердо и самостоятельно шествует по своему пути, невидимо подвигая вперед общественное образование...» (11, 1, 139–140). Не владея приемами толкучего рынка, эта «благородная литература» легко проигрывает борьбу за читателя и его деньги литературе низкопробной, промышленной, как пишет Некрасов в статье «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году (статья вторая и последняя)»: «В то время как молодая, только что сформировавшаяся русская публика с благородною, великодушною готовностью хваталась за все печатное, ловкие производители, помышлявшие об одних личных выгодах, на каждом шагу расставляли ей сети, и кроткая, добродушная, доверчивая публика то и дело в них запутывалась. Вкус ее не развивался, и с каждым днем увеличивалось влияние литературных производителей...» (11, 1, 165). Однако такая не вознаграждаемая самоотверженность не соответствовала духу прагматизма и реализма новой школы. Честный, благородно способствующий просвещению писатель должен был вознаграждаться не только похвалами критиков, но и материально.

Утверждение новой благородной литературы, эстетических и идеологических принципов «натуральной школы», таким образом, требовало ликвидации резкого дисбаланса между эстетическими оценками и принципами материального вознаграждения литературной продукции, и поэтому (до того как публика просветится и сама будет в состоянии правильно оценивать художественные произведения) прямо было связано с созданием правильного литературного рынка. Эта задача должна была объединить Некрасова — потенциального издателя произведений «натуральной школы» — и Белинского — критика, ее возглавлявшего и эстетически направлявшего. Двойственную задачу установления новых экономических и эстетических отношений и иерархий (а не только рекламу и продвижение новой «школы», новой группы литераторов) были призваны выполнить знаменитые некрасовские сборники «Физиология Петербурга» (первая часть вышла в марте, вторая — в конце июня 1845 года⁹) и «Петербургский сборник» (вышел 15 января 1846 года¹⁰).

---

⁹ Работа по сбору материала велась с начала июня 1844 года (Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. Т. 1. 1821–1855. С. 150).

¹⁰ Подготовка издания началась весной 1845 года (Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. Т. 1. 1821–1855. С. 170).

Альманах «Физиология Петербурга», как подчеркивают практически все мемуаристы¹¹, задумывался Некрасовым в первую очередь как проект коммерческий, рассчитанный на получение прибыли. Д. В. Григорович, в своих воспоминаниях вообще склонный обращать особенное внимание на «практичность» Некрасова (в его мемуарах это слово становится постоянным эпитетом, определением Некрасова), пишет: «Около этого времени в иностранных книжных магазинах стали во множестве появляться небольшие книжки под общим названием “Физиологии”; каждая книжка заключала описание какого-нибудь типа парижской жизни <...> У нас тотчас же появились подражатели. Булгарин начал издавать точно такие же книжечки, дав им название “Комары”; в каждой из них помещался очерк типа петербургской жизни <...> Некрасову, практический ум которого был всегда настороже, пришла мысль начать также издавать что-нибудь в этом роде; он придумал издание в нескольких книжках: “Физиология Петербурга”. Сюда, кроме типов, должны были войти бытовые сцены и очерки из петербургской уличной и домашней жизни. Некрасов обратился ко мне, прося написать для первого тома один из таких очерков»¹². На стремление издателя получить от книги как можно большую прибыль указывает и «рекламная кампания», очень настойчиво проводимая Некрасовым (не менее шести раз печатно упоминавшим и рекомендовавшим эту книгу) и поддерживаемая Белинским (также, по всей видимости, писавшим объявления о будущем выходе «Физиологии Петербурга»¹³). В рекламе альманаха важную роль играли те средства привлечения читательского интереса, на которые, как на свойственные промышленной литературе, напал Некрасов в цитированных выше статьях: высокое качество бумаги, наличие картинок и т. д.¹⁴ Важная роль в привлечении читательского внимания отводилась самой теме (жизнь Петербурга), занимательной для публики.

Однако в этом проекте были и черты необычные, говорящие о том, что он призван был утвердить принципы новой, правильной литературной эко-

---

¹¹ Например, см.: *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1981. С. 273.

¹² *Григорович Д. В.* Литературные воспоминания. С. 83.

¹³ В прибавлениях к № 112 «Московских ведомостей» за 1845 год (Без подписи. Традиционно атрибутируется Белинскому).

¹⁴ Например, о политипажах в готовящемся сборнике «Петербург. Физиология. Составленная из трудов русских литераторов», которые будут выполнены «искусным художником», говорится в «Библиографических известиях» в № 9 «Отечественных записок» за 1844 год.

номики. В рекламной кампании «Физиологии Петербурга» не акцентировались некоторые черты, которые делали сборник потенциально привлекательным для публики, «стоящим того, чтобы заплатить за него деньги». Прежде всего, в ней почти отсутствуют упоминания литераторов, принимающих участие в сборнике. Так, Некрасов сообщает в фельетоне «Литературные новости» («Литературная газета», 1844, № 36) о близящемся выходе в свет «Физиологии Петербурга»: «Книга, о которой мы выше упомянули, <...> поставила себе целью ознакомить читателей с Петербургом в физиологическом отношении» (12, 1, 146). О том, кто будет участвовать в сборнике, не говорится ни слова. В упоминавшемся первом развернутом объявлении о предстоящем выходе в свет «Физиологии Петербурга» в Прибавлениях к № 112 «Московских ведомостей», написанном Белинским, говорится только о темах, которые будут развиваться в сборнике. Постепенно имена авторов в объявлениях появляются¹⁵, однако и в этом случае не подчеркивается, что то или иное имя принадлежит знаменитому или любимому публикой литератору. Это выглядит особенно странно потому, что среди участников сборника были действительно популярные, известные писатели. Если А. Я. Кульчицкий (псевдоним «Говорилин») и Д. В. Григорович были совершенно никому не известны (популярность Некрасова как поэта в это время оценить трудно, но, думается, она не была существенной), то Белинский к тому времени был, конечно, знаменитостью. Популярными и даже модными писателями были И. И. Панаев и Е. П. Гребенка (тот же Панаев так характеризует степень ценности участия Гребенки в альманахах и журналах: «Для журналистов он был необходим, потому что повести его и рассказы очень нравились большинству читающей публики...»¹⁶). В. И. Даль (В. Луганский) обладал серьезным авторитетом. Однако эта изначально существующая иерархия писателей, участвовавших в сборнике, в рекламе игнорируется. Вступление к сборнику, написанное Белинским, показывает, что за этим «упущением» стоит сознательно избранная стратегия, имеющая идеологически принципиальный характер.

Вступление не подписано и потому производит впечатление заявления, сделанного от лица всех участников альманаха. Прежде всего, Белинский в нем признает коммерческий характер проекта, материальный интерес,

---

¹⁵ Например, в фельетоне «Журнальные отметки» в «Русском инвалиде» № 256 за 1844 год (возможно, написанном Некрасовым) названы имена Даля, Гребенки, Григоровича, Зотова.

¹⁶ Панаев И. И. Литературные воспоминания. Л., 1928. С. 108.

объединивший писателей: «У нас совсем не бывает порядочных книг, направленных к одной цели и составляемых в сотрудничестве, совокупными трудами нескольких лиц, — что так часто бывает во французской литературе. Это тоже факт — и с этой стороны упреки публики опять справедливы. Она сетует на литераторов за их дух парциальности, не допускающий их действовать дружно и совокупными силами. В этом есть своя доля истины; но что же делать, если причины этой парциальности заключаются гораздо более в различии образования, направлений, понятий, нежели в корыстных расчетах, как привыкли у нас думать? Корысть так же хорошо связывает, как и разделяет людей, и потому она не может быть непреодолимою помехою для дружной совокупной деятельности»¹⁷.

Другая важная задача вступления — экспликация фундаментального принципа настоящей литературной иерархии, основанной на разграничении талантов великих, необыкновенных и обыкновенных: «Явление великих талантов не зависит от воли и желания людей. Но выбор предметов, которым посвящают перо свое обыкновенные (и потому самому более многочисленные) таланты, может подвергаться упреку или неодобрению»¹⁸ — пишет Белинский, объясняя читателю поставленную в сборнике задачу — исследовать петербургскую жизнь. Последние очень полезны, кажется, иногда даже полезнее гениальных. Их функция: быть «посредниками между ими («гениальными писателями». — *М. М.*) и публикой, усвоив себе их идеи и идя по проложенной ими дороге»¹⁹.

Именно такими «обыкновенными» талантами предстают участники сборника. Это самоопределение — не самоуничижение, а своего рода программа: «Как бы то ни было, но, в ожидании вожденной деятельности талантов, пока, за неимением лучшего, благосклонному вниманию публики предлагается в этой книге опыт характеристики Петербурга, несколько очерков его внутренних особенностей. Предмет занимателен и важен, требует большого таланта, наблюдательности и большого умения писать, словом, требует гораздо больше, нежели сколько, может быть, в состоянии выполнить трудившиеся над составлением этой книги. Но что нужды?»²⁰

Итак, в сборнике все литераторы равны, уравнивает их то, что они обладатели талантов обыкновенных, несравнимых с гоголевским или лермон-

---

¹⁷ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1976–1982. Т. 7. С. 131–132.

¹⁸ Там же. С. 127–128.

¹⁹ Там же. С. 130.

²⁰ Там же. С. 135.

товским гением. И это их важное достоинство, потому что именно вследствие своей «обыкновенности» эти писатели более «рациональны» и потому могут быть мобилизованы на решение насущной задачи, от которой гений может отвернуться. Главное в сборнике — тема и правильный угол зрения на нее, то есть верное «направление»: «Сочинения Гоголя в особенности чужды всякой исключительной цели: знакомя читателя с петербургским жителем, они в то же время знакомят его и с человеком вообще и с русским человеком в особенности: цель, возможная только для великого художника, — цель, к которой могут стремиться другие более или менее богатые даром творчества писатели, но в которой едва ли кто у нас может соперничать! Что касается лично до составителей этой книги — они совершенно чужды всяких притязаний на поэтический или художественный талант; цель их была самая скромная — составить книгу вроде тех, которые так часто появляются во французской литературе <...> то же касается до нескольких статей, помещенных в нашей книге и подписанных известными в нашей литературе именами, — эти имена сами отвечают за их достоинства, и мы предоставляем судить о них публике»²¹. Таким образом, если писатели и имели имена в литературе, то эти имена не являются чем-то определяющим для оценки работ, помещенных в альманахе, они не признаются в качестве основной причины для обретения их произведениями благосклонности публики. Не громкие имена участников, но наличие темы, важной для общества, прогрессивного «направления» должно заставить читателя оценить и «оплатить» общий труд всех литераторов.

Эта декларация Белинского не прошла незамеченной, будучи действительно необычной в сложившихся условиях литературного рынка. Рискованность уравнивания всех участников сборника как обыкновенных талантов, послужила удобным поводом для насмешек критики, основывающейся на традиционных принципах литературных иерархий. Так К. С. Аксаков в рецензии на первую часть некрасовского альманаха в № 5–6 журнала «Москвитянин» за 1845 год пишет: «Физиология Петербурга» вполне согласна с требованием ее издателей — она вполне посредственна. Критика может поблагодарить за такое облегчение, не знаем, поблагодарят ли только писатели, сотрудники «Физиологии Петербурга» и читатели, которых хотя угостят посредственностью»²². Утверждение важности и достаточности обладания обыкновенным талантом для права писателя на признание вы-

---

²¹ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 7. С. 135.

²² Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М., 1982. С. 163.

зывает удивление и порицание у П. А. Плетнева: «Если и чисто ученый труд без художественного в литературном отношении таланта редко чего-нибудь стоит, что же без него стоит труд чисто литературный?»²³ Не остался без внимания и ехидной критики представителей старой традиционной литературной экономики, основанной на популярности писательского имени, отказ, выраженный Белинским от лица всей группы литераторов, считается известностью у читателей. Прежде всего, Ф. В. Булгарин, демонстрируя сомнение в реальности желаний писателей «натуральной школы» не спекулировать на предполагаемой известности некоторых авторов альманаха, видя в этом отказе от таких претензий, скорее, кокетство и приманку для публики, иронизирует в фельетоне «Журнальная всякая всячина»: «Мы бы даже не упомянули о выходе в свет “Физиологии Петербурга”, если б эта книга не объявила таких огромных претензий в своем *введении* и если б *неизвестный автор* его не провозгласил так громко известности сочинителей статей»²⁴. Мемуары П. В. Анненкова суммируют впечатление удивления и недовольства, которые вызвала проявившаяся, в том числе и во вступлении к «Физиологии Петербурга», «литературная политика» Белинского. Он интерпретирует заявление великого критика таким образом: «Белинский склонялся все более к признанию важного значения так называемой беллетристики, которая существует во всех странах Европы, образуя в них такой же существенный элемент общественного развития, как и художественные произведения, и часто служа пособием для их понимания. Со стороны Белинского этот ввод нового деятеля в область искусства и это снабжение его патентом на право гражданства в ней не было изменой старым положениям критика 1840–1845 годов, а только дополнением их <...> Какую скромную роль ни отводил еще Белинский беллетристике вообще в литературе, но ходатайство за нее и предъявление ею прав на внимание показалось еще многим ересью. Ново и дико было то, что критик признавал учителями общества уже не одни гениальные или очень крупные таланты, как прежде, а и всю безымянную массу литераторов и деятелей, разрабатывающих вопросы общественной жизни»²⁵.

Среди критиков, ругавших «Физиология Петербурга», К. Аксаков наиболее пронизательно устанавливает связь между коммерческим характером издания и сделанной во вступлении декларацией об «обыкновенности» та-

---

²³ Современник. 1845. № 5. С. 251.

²⁴ Северная пчела. 1845. № 79. 7 апреля.

²⁵ Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 256–257.

лантов его участников: «Почему же автор “Вступления” так сильно заботится о таких писателях? <...> Итак, посредственные писатели нужны только для того, чтобы могли быть предпринимаемы и поддерживаемы литературные спекуляции»²⁶. Специфически коммерческий характер некрасовского предприятия делает его, по утверждению критика-славянофила, типичным для новой петербургской литературы: «Одни за другими появились литературные предприятия, сосредоточивали вокруг себя толпы писателей <...> началась сильная фабрикация литературных произведений, и полновесные книги журналов и других повременных изданий разошлись по всем концам России. Для подобных предприятий нужны были и особого рода писатели, такие, для которых литература составляла бы своего рода службу, деятельные, способные для всяких работ, по возможности лишённые особенностей, которых произведения не противоречили бы никакому убеждению, никакому из направлений подобного рода изданий»²⁷. Аксакову видится в этом альманахе воплощение какой-то гибридной буржуазно-бюрократической экономики, превращающей литературу в коммерческое предприятие и для этого вербующей массы поденщиков, посредственных писателей, работающих за гроши и обогащающих литературного предпринимателя.

Как нам представляется, замысел Некрасова и Белинского заключался в другом. Ими не предполагалось реальное равенство всех писателей в сборнике как равенство посредственности. Показательно, что тот же Белинский, в качестве одного из участников альманаха утверждавший среди них равенство и отсутствие претензий на больший или меньший талант, выступая в роли критика, рецензента первой части «Физиологии Петербурга» в № 5 «Отечественных записок» 1845 года, рассуждает о сравнительном качестве включённых в него трудов. Он, в частности, называет лучшие тексты, вошедшие в книгу, каковыми являются, по его мнению, «Петербургский дворник» Даля и «Петербургские углы» Некрасова²⁸. И Некрасов, рецензируя «Физиологию Петербурга», выделяет как самую лучшую часть альманаха статью Белинского: «Хотя все статьи этой части написаны так, что не раз сорвут улыбку с уст самого серьёзного читателя, не раз заставят грустно задуматься самого веселого человека, мы скажем, что статья г. Белинского, по глубине мысли, по верному воззрению, по прекрасному изложению и по цели своей, занимает первое и почетнейшее место между ними» (11, 1, 188).

---

²⁶ Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. С. 162.

²⁷ Там же. С. 166.

²⁸ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 7. С. 558.

Как кажется, издатель и идейный вдохновитель альманаха не отрицают неординарное качество текстов и степень талантливости авторов, но, скорее, хотят лишить литературное имя его спекулятивного характера, характера капитала, придающего ценность любому тексту, им подписанному. Поэтому они и предпринимают стратегию на исключение «гениев» из альманаха. Количество гениев, писателей, все вышедшее из-под пера которых заведомо имеет ценность, должно быть сведено к предельному минимуму. Во всех остальных случаях не имя должно иметь ценность, а продукт — его качество. В конечном счете это означает, что деньги должны перестать претендовать на то, чтобы быть средством оценки таланта, регулятором литературных иерархий. Публика же, платящая деньги, должна быть (до того, как путем просвещения поднимется до уровня экспертов) от эстетических оценок отстранена. Так и устроен сборник — как коммерческий проект: публика платит деньги не за имя, а за тему, за разработку интересующего ее вопроса (показ ей разных сторон петербургской жизни), судить о степени талантливости авторов она предоставляет экспертам. Остается только разрешить вопрос о том, как распределить деньги, выданные публикой за альманах, между участниками сборника. Формулируя по-другому, как оплачивать вклад каждого из авторов в коллективный труд? Решить этот вопрос и означает построить литературную экономику.

Мы имеем мало данных о том, как оплачивались статьи в «Физиологии Петербурга». Существует свидетельство одного из наиболее тогда безызвестных участников альманаха, Д. В. Григоровича, возможно, проливающее свет на то, как доход был распределен между участников сборника:

За «Шарманщиками», которые похвалил Белинский, я написал для второй книжки «Физиологии Петербурга» рассказ «Лотерейный бал». Я принес его для прочтения Некрасову и застал у него А. Станкевича, брата того Станкевича, который был товарищем по Московскому университету Герцена, Огарева, Боткина и других. А. Станкевич, написавший впоследствии несколько недурных повестей, остановился на несколько дней у Некрасова.

— Станкевич! — воскликнул Некрасов, когда окончил чтение рассказа, — мы с вами потом сосчитаемся, дайте Григоровичу сто рублей, он на этот раз отличился!

Эти сто рублей (ассигнациями, конечно) были первый гонорар, полученный мною за мой литературный труд²⁹.

---

²⁹ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. С. 86.

Эти сто рублей, данные начинающему писателю не за имя (которого у него нет), но за то, что он «отличился», характеризуют новые экономические принципы: публика платит за альманах, а эксперты распределяют прибыль между участниками по степени качества труда.

В «Петербургском сборнике» была предпринята попытка пойти еще дальше. Идеологически в этом альманахе продолжалась линия на признание авторов «обыкновенными» талантами. В статье Белинского «Мысли и заметки о русской литературе», заключающей «Петербургский сборник», в частности, говорится: «Раз где-то была высказана мысль, что у нас больше художественных, нежели беллетристических произведений, больше гениев, нежели талантов. Как всякая самобытная и оригинальная мысль, она возбудила толки. И действительно, с первого взгляда эта мысль может показаться странным парадоксом; но, тем не менее, она справедлива в основании»³⁰. Принципы же оплаты писательского труда стали объектом еще более радикального эксперимента. А. Я. Панаева в своих воспоминаниях, безусловно, далеко не во всем достоверных³¹, сообщает такой эпизод из истории создания сборника:

Некрасов задумал издать «Петербургский сборник». Им уже были куплены статьи у некоторых литераторов. Белинский принял горячее участие в этом издании, упросил Панаева написать что-нибудь для сборника, и Панаев написал «Парижские увеселения».

Белинский находил, что тем литераторам, которые имеют средства, не следует брать денег с Некрасова. Он проповедовал, что обязанность каждого писателя помочь нуждающемуся собрату выкарабкаться из затруднительного положения, дать ему средства свободно вздохнуть и работать — что ему по душе. Он написал в Москву Герцену и просил его прислать что-нибудь в «Петербургский сборник». Герцен, Панаев, Одоевский и даже Соллогуб отдали свои статьи без денег. Кронеберг и другие литераторы сами нуждались, им Некрасов заплатил. Тургенев тоже отдал даром своего «Помещика» в стихах, но Некрасову обошлось это гораздо дороже, потому что Тургенев, по обыкновению истратив деньги, присланные ему из дому, сидел без гроша и поминутно занимал у Некрасова деньги³².

---

³⁰ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 8. С. 52.

³¹ О проблеме достоверности воспоминаний Панаевой см.: Чуковский К. И. Жена поэта // Чуковский К. И. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 95–98.

³² Панаева А. Я. Воспоминания. М., 1956. С. 142.

Деньги, лишённые роли средства эстетической оценки, основы литературной иерархии, становятся просто средством к существованию, которых у одних литераторов больше, у других меньше. Такие деньги уже можно использовать не для оценки, а для поддержки литераторов, осуществляя новые, справедливые экономические принципы. Отсюда и предложение Белинского заплатить не самым талантливым или популярным, а наиболее нуждающимся участникам сборника (деньги получают не Герцен и В. Ф. Одоевский, а А. И. Кронеберг, в ком, конечно же, альманах нуждался намного меньше, чем, например, в В. А. Соллогубе, тогда едва ли не втором по популярности писателе после Гоголя).

Таким образом, путь реформирования литературной экономики, по которому идут создатели альманахов натуральной школы, — не буржуазный, капиталистический, как полагал К. Аксаков, а, говоря условно, социалистический. На такой именно характер реформы указывает, в частности, то, что «благотворительная» сторона замысла не была декларирована, то есть должна была восприниматься как новая норма финансовых взаимоотношений внутри новой литературной школы. Это подчеркивается и игнорированием Белинским и другими участниками сборника вполне возможного иного способа осуществления той же задачи — привлечь только писателей с именами, пусть и заплатив им побольше, но тем самым получить еще большую прибыль и отдать ее Некрасову. Другой вариант — просто всем предоставить свои труды бесплатно. Однако в этом случае предприятие принимало бы характер обычной благотворительности в рамках капиталистической экономической модели. Намерения Белинского были, вероятно, иными. Зарабатывать литературой должны те, кто реально нуждается в деньгах от нее, при условии, что их продукция реально нужна, отвечает требованиям «века», соответствует запросам эпохи. Эстетическая оценка не противоречит оценке материальной, но перестает совпадать с нею и в результате получает возможность ее определять. Однако эксперт отказывается от своей возможности распределить прибыль по своим критериям в пользу более талантливых писателей.

Причины такого решения Белинского одновременно идеологические и личные. Идея революционного преобразования экономических отношений, конечно, была следствием и увлечения как раз в это время идеями социалистов, Прудона (о нем будет говорить подробно в следующей главе), и жизненных обстоятельств. Экономический принцип, положенный в основу сборника, принятое его участниками решение отказаться от дряг и неудовольствия по поводу разных сумм гонорара, выплачиваемых раз-

ным авторам в зависимости от разной степени их известности, от степени капитализации их «имен», соответствует содержанию этих сборников, пронизывающему их духу гуманности, сочувствия к ближнему, к простому человеку³³. В личном плане это решение было следствием положения критика на литературном рынке. По мнению Анненкова, Белинский как никто должен был стремиться к преобразованию существующего порядка вещей: «Может быть, никто из наших писателей не находился в положении более схожем с положением тогдашнего работника и пролетария в Европе. Подобно им, он никого лично не мог обвинять в устройстве гнетущих обстоятельств своей жизни — все исполняли по отношению к нему добросовестно свои обязательства, никаких притеснений он не испытывал, никаких чрезмерных требований не предъявлялось и никто не делал попыток вернуться от условий, принятых по взаимному соглашению, — все обстояло, таким образом, чинно, благопристойно, респектабельно, по английскому выражению, вокруг него. Но труд его все-таки приобретал свою ценность только тогда, когда уходил из его рук, приносил всю пользу, какой от него ожидать можно было, изданию, а не тому, кто его произвел. Не было и возможности поправить дело, не изменяя обычных экономических условий, утвержденных раз навсегда»³⁴.

Однако консенсус литераторов “натуральной школы” вокруг равенства перед лицом Гоголя и отказа учитывать степень популярности имени при оплате писательского труда, предложенный Белинским, и, очевидно, судя по мемуарам Панаевой, ими принятый, был быстро омрачен вызовом, брошенным со стороны самого неизвестного, еще не имевшего никакого литературного имени писателя. Разделение талантов обыкновенных (писателей “натуральной школы”) и необыкновенных (гениального Гоголя) Белинский проводит во всех своих поздних работах, вплоть до статьи «Русская литература за 1846 год», которая стала объектом интересующей нас некрасовской правки. Очевидно, что на этом фоне похвалы Белинского, несколько раз в первой своей рецензии на Достоевского назвавшего его «необыкновенным талантом» (например: «Как талант необыкновенный, автор нисколько не повторяется во втором своем произведении»³⁵), высказанные также и устно,

---

³³ См. об этом: Скафтымов А. П. Белинский и драматургия А. Н. Островского // Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М., 1972.

³⁴ Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 270–271.

³⁵ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 8. С. 140.

вызванные склонностью критика увлекаться, значат очень много. В принципе, такое выделение «гения» внутри группы писателей, борющейся за влияние на литературном рынке (при наличии, конечно, между ними консенсуса по поводу конкретной персоны), не является разрушительным для установленных Белинским отношений, при условии, что «гений» в своем творчестве воплощает эстетические принципы группы. Аналогом может служить, например, группа футуристов, постоянно выдвигавшая из своих рядов «гения», что не мешало ни сплоченности, ни экономической удовлетворенности всех ее участников³⁶. В данном же случае провозглашение именно Достоевского гением нельзя не признать серьезной тактической ошибкой.

Прежде всего, ошибка была связана с теми эстетическими импликациями, которые заключались для Белинского в словах «новый Гоголь» и «необыкновенный талант». Гений, «необыкновенный талант» отличается от талантов обыкновенных в том числе тем, что ему позволено больше, чем им, он сам распоряжается своим талантом, своим вдохновением. Ему невозможно посоветовать, заказать сочинение на выбранную не им тему, что можно сделать с талантом «обыкновенным»: «К сожалению, этих последних («обыкновенных талантов». — М. М.) еще менее, чем сильных и блестящих талантов. А между тем, в них-то больше всего и нуждается наша литература, и оттого, что их у нас так мало, литературные предприятия так дурно поддерживаются и публике теперь стало совершенно нечего читать. Высокий талант, особенно гений, действует по вдохновению и прихотливо идет своею дорогою; его нельзя пригласить в сотрудничество по изданию книги, ему нельзя сказать: "Напишите нам статью, которой содержание касалось бы петербургской жизни, а то, что вы предлагаете для нашей книги, нейдет к ней, и нам этого не надо". Притом же слишком много нужно было бы гениев и великих талантов, чтоб публика никогда не нуждалась в литературных произведениях, удовлетворяющих насущную потребность ее ежедневных досугов <...> Обыкновенные таланты необходимы для богатства литературы, и чем больше их, тем лучше для литературы»³⁷. Это нужно понимать так, что обладание необыкновенным, гениальным даром дает писателю универсальную индульгенцию, освящает все то, что он делает. Поэтому, называя Достоевского необыкновенным талантом, Белинский как бы утвердил его право на любую эволюцию.

---

³⁶ Интересные, хотя и субъективные, размышления о борьбе за «первого поэта» внутри и вовне литературных групп начала XX века содержатся в кн. *Мандельштам Н. Я.* Вторая книга. М., 1990. С. 327–328.

³⁷ *Белинский В. Г.* Собр. соч. Т. 7. С. 131.

Судя по всему, Достоевский сознательно был не готов следовать постоянно в направлении, указанном Белинским. Рецензии и устные отзывы Белинского послужили для него важнейшим стимулом для самых разных литературных и идеологических экспериментов. Он понял эти похвалы совершенно правильно, как благословение делать, что хочется, идти тем путем, который он изберет³⁸. Он сам пишет о том, как Белинский санкционировал любые его эксперименты: «Белинский сказал, что он теперь уверен во мне совершенно, ибо я могу братья за совершенно различные элементы» (из письма М. М. Достоевскому 16 ноября 1845 года)³⁹. Анненков хорошо увидел также нежелание Достоевского следовать литературным рекомендациям Белинского: «Достоевский выслушивал наставления критика благосклонно и равнодушно»⁴⁰. Молодой писатель принял высказанную Белинским оценку, но не собирался становиться его учеником, примыкать к возглавляемой критиком «школе». Эволюция его творчества принимала все более и более чуждое «натуральной школе» направление: от фантастики «Двойника» (1846) к совсем уж «романтическим» и «мистическим», с точки зрения Белинского, «Господину Прохарчину» (1846) и «Хозяйке» (1847)⁴¹. Постепенно обнаруживалась ошибка: индальгенцию и благословение на поведение гения, делающего, что хочет, гения, перед которым остальным смертным остается только преклониться, приходилось отнимать⁴².

---

³⁸ Мы рискнем даже сказать, что это разделение на обыкновенных и необыкновенных писателей, которым все позволено, — предвестие знаменитого раскольниковского разделения уже всего человечества на «разряды».

³⁹ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 28. Кн. 1. С. 116.

⁴⁰ *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. С. 283.

⁴¹ Ср. знаменитые слова из письма П. В. Анненкову от 15 февраля 1848 года: «Достоевский написал повесть “Хозяйка” — ерунда страшная! В ней он хотел помирить Марлинского с Гофманом, подболтавши немножко Гоголя <...> Надулись же мы с Достоевским — гением!» (*Белинский В. Г.* Собр. соч. Т. 9. С. 713).

⁴² Стоит заметить, что и с самим Гоголем, образцовым гением, у Белинского возникли проблемы в тот момент, когда выяснилось, что принятое писателем направление оказалось совершенно идеологически и эстетически неприемлемым. Нет смысла напоминать здесь письмо Белинского Гоголю из Зальцбурга и прямые утверждения критика о конце Гоголя как писателя в рецензии на второе издание «Мертвых душ» (*Белинский В. Г.* Собр. соч. Т. 8. С. 511).

Не хотел Достоевский включаться и в экономическую систему социалистического типа, систему равенства. Литературное имя и, прежде всего, естественно, его собственное, было для него значимым фактором, определяющим его экономическое поведение в литературном поле. Трудно было выбрать в гении писателя, более чем он приверженного «традиционной» литературной экономике. Сразу после успеха у критики Достоевский осознал свое имя (громкое, как ему представлялось) как источник доходов. Он не желал встраиваться в общий ряд «неголедей» и признавать себя «равным» другим писателям. Менее многих других пристрастный Анненков, на наш взгляд, точнее всех мемуаристов описывал позицию Достоевского: «Внезапный успех, полученный его повестью, сразу оплодотворил в нем те семена и зародыши высокого уважения к самому себе и высокого понятия о самом себе, какие жили в его душе. Успех этот более чем освободил его от сомнений и колебаний, которыми сопровождаются обыкновенно первые шаги авторов: он еще принял его за вещий сон, пророчивший венцы и капители. Так, решаясь отдать роман свой в готовящийся альманах, автор его совершенно спокойно, и как условие, следующее ему по праву, потребовал, чтоб его роман был отличен от всех других статей книги особенным типографским знаком, например — каймой»⁴³. Известно успешное опровержение Достоевским этого свидетельства Анненкова⁴⁴, однако нельзя не признать, что стремление Достоевского в ранний период творчества не затеряться в толпе, в «безвестной массе литераторов», выделиться из общего ряда, очевидно. Более того, достаточно недавно были введены в научный оборот свидетельства о том, что вопрос о том, чтобы выделить Достоевского из общей массы, все-таки стоял перед издателем «Петербургского сборника». В воспоминаниях художника П. П. Соколова, которого Некрасов привлек к работе над книгой, так переданы наставления, которые ему делал издатель: «...К моим стихотворениям я вас прошу нарисовать две или три виньетки. Но главную вещь этого «Альманаха» и самую выдающуюся будет повесть Достоевского «Бедные люди»: уж вы, пожалуйста, постарайтесь передать эти бесподобные типы»⁴⁵.

---

⁴³ Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 283.

⁴⁴ Об этом см.: Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 589.

⁴⁵ Впервые опубликовано в журнале; Исторический вестник. 1910. № 9. Цит. по: Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. Т. 1. 1821–1855. С. 193. Вообще стоит заметить, что картинки, иллюстрации как способ выделения в сборнике того или иного текста были распространены в альманахах этого времени.

Постепенно у круга Белинского возникает серьезное охлаждение к Достоевскому. Причиной было не само желание писателя получить деньги за труд (таковое предусматривалось Белинским в самых радикальных проектах), но претензии Достоевского на превосходство над другими литераторами и его стратегии, напоминавшие о «старой» литературной экономике, в конечном счете, о «толкучем рынке». Письма Достоевского показывают, что расчет на литературную славу как на источник благосостояния у него был с самого начала его творческого пути. Несмотря на то, что его самонадеянные размышления в письмах середины 40-х годов к брату выглядят достаточно наивно, а ожидания напоминают о «без вести пропавшем пиите» Иване Грибовникове, тем не менее молодой писатель (еще не опубликовавший, собственно, первого произведения) очень серьезно относится к славе и возлагает на нее серьезные финансовые ожидания. Так в письме 24 марта 1845 брату он пишет: «А теперь насчет еды! Ты знаешь, брат, что я в этом отношении предоставлен собственным силам. Но как бы то ни было, а я дал клятву, что коль и до зарезу будет доходить, — крепиться и не писать на заказ. Заказ задавит, загубит всё. Я хочу, чтобы каждое произведение мое было отчетливо хорошо. Взгляни на Пушкина, на Гоголя. Написали немного, а оба ждут монументов. И теперь Гоголь берет за печатный лист 1000 руб. сереб<ром>, а Пушкин, как ты сам знаешь, продавал 1 стих по червонцу. Зато слава их, особенно Гоголя, была куплена годами нищеты и голода»⁴⁶. Слава и деньги, как мы видим, связаны здесь так же, как и у молодого Некрасова. Приведем еще выдержку из письма Ф. М. Достоевского М. М. Достоевскому (4 мая 1845 года): «Итак, я решил обратиться к журналам и отдать мой роман за бесценок — разумеется, в “Отечеств<енные> записки”. Дело в том, что “Отечеств<енные> записки” расходятся в 2500 экземплярах, следовательно, читают их по крайней мере 100 000 человек. Напечатай я там — моя будущность литературная, жизнь — всё обеспечено. Я вышел в люди. Мне в “Отечеств<енные> записки” всегда доступ, я всегда с деньгами, а вдобавок пусть выйдет мой роман, положим, в августовском номере или в сентябре, я в октябре перепечатаваю его на свой счет, уже в твердой уверенности, что роман раскупят те, которые покупают романы. К тому же объявления мне не будут стоить ни гроша. Вот дело какое!»⁴⁷

После похвалы Белинского Достоевский чувствует себя не просто на вершине славы, но и на правильном пути к процветанию. Его имя начало

---

⁴⁶ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28. Кн. 1. С. 107.

⁴⁷ Там же. С. 109.

ему приносить деньги и он радуется успеху: «Объявление мое напечатано уже в “Отечественных» записках” в Разных известиях. За него взял я 20 руб. серебром». И так, на днях, не имея денег, зашел я к Некрасову. Сидя у него, у меня пришла идея романа в 9 письмах. Придя домой, я написал этот роман в одну ночь; величина его 1/2 печатного листа. Утром отнес к Некрасову и получил за него 125 руб. ассигнациями, то есть мой лист в «Зубоскале» ценится в 250 руб. ассигнациями» (письмо М. М. Достоевскому 16 ноября 1845 года)⁴⁸.

Стратегия на капитализацию имени, на извлечение прибыли из похвалы критика увенчивалась успехом. Некрасов, во многом под воздействием умеренных похвал Белинского, тоже выделял Достоевского и в принципе был готов высоко оплачивать его имя: «В начале этого месяца явился Некрасов, отдал мне часть долга, а другую получаю на днях. Нужно тебе знать, что Белинский недели две тому назад прочел мне полное наставление, каким образом можно ужиться в нашем литературном мире, и в заключение объявил мне, что я непременно должен, ради спасения души своей, требовать за мой печатный лист не менее 200 р. ассигнациями». Таким образом мой Голлядкин пойдет по крайней мере в 1500 рублях ассигнациями». Терзаемый угрызениями совести, Некрасов забежал вперед зайцем и к 15 генварю обещал мне 100 руб. серебром за купленный им у меня роман «Бедные люди». Ибо сам чистосердечно сознался, что 150 р. серебром плата не христианская. И посему 100 р. серебром набавляет мне сверх из раскаяния. Всё это покамест хорошо» (М. М. Достоевскому, 8 октября 1845 года)⁴⁹.

Однако уже очень скоро материальные требования Достоевского оказались на пределе финансовых возможностей Некрасова. Прежде всего, потому что Краевский был готов платить амбициозному гению больше и на некоторое время взять на себя содержание подающего огромные надежды писателя: «На днях Краевский, услышав, что я без денег, упросил меня покорнейше взять у него 500 руб. займы. Я думаю, что я ему продам лист за 200 руб. ассигнациями» (М. М. Достоевскому, 16 ноября 1845 года)⁵⁰. Наконец финансовые требования превышают критическую отметку, это гений отмечает в очередном письме М. М. Достоевскому (7 октября 1846 го-

---

⁴⁸ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 28. Кн. 1. С. 116.

⁴⁹ Там же. С. 112.

⁵⁰ Там же. С. 116. Напомним, что Достоевский даже не напечатал еще своего романа, а «вложения» в его имя уже растут неимоверно.

да): «Прошлый раз писал я тебе, что собираюсь за границу. Книгопродавцы дают мне четыре тысячи ассигнац<иями> за всё. Некрасов давал было 1500 р. серебр<ом>. Но, кажется, у него денег на это не будет и он отступится. Если цена моя покажется низкою (судя по моим расходам), то я не возьму и сам издам свой томик, может быть даже к 15-му ноября. Оно же и лучше, ибо на глазах дело будет, не изуродуют издания, например, и, одним словом, будут свои выгоды. Потом к 1-му январю продам все экземпляры гуртом книгопродавцам. Может быть, выручу 4000...»⁵¹

Так литературная эстетика опять совпала с литературной экономикой. Белинский как критик оказался не в состоянии поддерживать Достоевского как гения, имеющего право на любую эволюцию: неосторожно вырвавшаяся характеристика «необыкновенный талант» в данном случае освящала и придавала законность тому, что стал воплощать для него Достоевский и что было чуждо новым принципам литературы. Некрасов же как издатель оказался не в состоянии оплачивать, содержать нового Гоголя. Иметь в своих рядах Достоевского стоило слишком дорого. Поэтому было необходимо дезавуировать характеристики Достоевского, данные ему в начале его творческого пути. Отсюда и не просто отрицательная или очень прохладная оценка следующих за «Бедными людьми» вещей, но и тщательное уточнение тех формулировок, которые были сделаны при оценке первого произведения Достоевского: уже не «необыкновенный», а всего лишь «сильный», а потом и просто «талант». Необыкновенному таланту позволено все, для оценки таланта обыкновенного нужно знать, в правильном ли направлении он идет. Отсюда именно в том месте статьи, где оттачивается формулировка, определяющая степень таланта Достоевского, издатель и критик оказались единомышленны, и Белинский легко принимает некрасовскую редакторскую правку, возвращающую выскочку в предназначенный ему ряд «обыкновенных» талантов.

Р. С. Попытки создания новой литературной экономики в подобном виде Некрасовым не возобновлялись. Мир литературы по-прежнему будет оставаться основанным на иерархии имен, известности у публики и только в некоторой степени оплата писательского труда будет зависеть от уровня таланта. Как нам кажется, один важный урок Некрасов из истории с Достоевским извлек. Слова «необыкновенный талант» он использовал впослед-

---

⁵¹ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28. Кн. 1. С. 127.

ствии чрезвычайно осторожно. Насколько нам известно, Некрасов как критик удостоил таким определением только одного писателя, находившегося в самом начале своей литературной карьеры, писателя, которого Некрасов первый напечатал в своем журнале. В статье «Заметки о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года» (практически тогда, когда написан загадочный уничижительный отрывок о Достоевском «В тот же день часов в одиннадцать утра...», в котором высмеивались претензии автора «Бедных людей» на величие, сравнимое с гоголевским) Некрасов пишет: «По характеру нашего беглого очерка здесь не место входить в анализ таланта графа Толстого (Л. Н. Т.); но нам приятно заметить, что теперь уже нет ни одного русского читателя, интересующегося успехами родной литературы, которому было бы чуждо недавно обнародованное имя автора повестей “Детство” <...> и, наконец, напечатанной в нынешнем году повести «Севастополь в августе 1855 года». Эта последняя повесть как своими достоинствами, так и недостатками окончательно убеждает, что автор наделен талантом необыкновенным» (11, 2, 222).